

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

Разбойничья злая луна



АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Л 84

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Виктории Манацковой
Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-26340-6

© Е. Ю. Лукин, 2024
© Е. Ю. Лукин, Л. А. Лукина
(наследники), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Миссионеры¹

П о в е с т ь

¹ Повесть написана в соавторстве с Любовью Лукиной.

Hell is paved with good intentions.

Samuel Johnson

Ад вымощен благими намерениями.

Сэмюэль Джонсон

Каравелла «Святая Дева». Сорок седьмой день плавания

В страхе и смятении начинаю я эту страницу, ибо корабль, встреченный нами сегодня, воистину был посланцем дьявола.

Ужасный шторм отделил от эскадры нашу каравеллу и, отнеся её далеко к югу, стих. Мы плыли по необычно спокойному бескрайнему морю, не видя нигде ни островка, ни паруса, когда марсовый прокричал вдруг, что нас преследует какой-то корабль.

С прискорбием вспоминаю, что из уст капитана, человека достойного и набожного, вырвалось богохульство, — он решил, что марсовый пьян.

Подойдя к борту, с недоумением озираю я пустынную водную равнину, но затем пелена спала с глаз моих, и я невольно помянул имя Господне. Не парусник — скорее, призрак парусника скользил в пушечном выстреле от нас.

Сначала я заметил лишь общие его очертания, и мне показалось на миг, что он прозрачен, что сквозь него смутно просвечивают шевелящиеся морские волны. Зрение обмануло меня — это шевелились пятнистые паруса: зеленоватые, серые, голубые. Сколь не похожи были они на белые ветрила каравелл, украшающие подобно облакам небесным синее лоно вод!

Невиданное судно не уступало по величине нашему кораблю, но борта его были низки, и обводами оно напоминало остроносые лодки не знающих Бога островитян.

В тревоге капитан приказал зарядить бомбарды правого борта, я же вознёс Господу молитву о спасении, ибо

что доброго могут послать мне навстречу эти неведомые воды, эти обширные владения дьявола!

И молитва моя была услышана: вскоре я понял, что не зря шевелились призрачные паруса, — не решаясь приблизиться к нам, язычники готовились к повороту.

Но как передам, что произошло дальше! Меня высмеет любой, хоть однажды ступавший на зыбкую палубу корабля.

Я видел это собственными глазами: судно, морское судно поплыло назад не разворачиваясь! Его заострённая корма и нос как бы поменялись местами. Моряки часто грешат небылицами, но слуге Божьему лгать не пристало: двуглавое, как и подобает посланцу дьявола, оно удалялось от нас, сливаясь с породившим его океаном.

Лишь тогда различил я, что это не одно, а два судна, непостижимо и противоестественно скреплённых между собой. И мачты их не устремлялись ввысь, но, наклонённые навстречу друг другу, перекрещивались верхушками над общей палубой. В подзорную трубу мне удалось различить в невидимой отсюда паутине такелажа крохотные фигурки нагих темнокожих матросов. Дикари? Бесы? Да, но на их пятнистой палубе грозно блестел металл, и мне почудилось даже, что я вижу обращённые в нашу сторону странные многоствольные орудия.

Несмотря на протесты испуганных офицеров и глухой ропот команды, наш капитан приказал выстрелить из пушки вслед уходящему судну. Ядро пролетело едва половину расстояния между кораблями и запрыгало по воде.

Никому не дано безнаказанно искушать судьбу, и морская даль отозвалась приглушённым грохотом, подобным рёву разбуженного чудовища. Из-за почти уже неразличимого корабля-призрака встал и полого протянулся к небу тонкий язык чёрного дыма. Протяжный воющий свист, который мы услышали затем, привёл нас в трепет. Но тщетно всматривались мы в небо, ища источник звука.

Господи, спаси нас и защити! Ибо по воле Твоей и во имя Твоё вторглись мы в эти пустынные воды. Уже четыре больших и восемь малых островов узрели свет истинной

веры. Дай же довести до конца начатое нами дело, полное подвигов и лишений!

Так я молился, стоя на палубе и слушая затихающий вдаль протяжный вой. Робость охватывает меня при мысли о том, какие ещё порождения бездны явятся нам. Ибо не зря начертано на карте, развёрнутой в каюте капитана: «Здесь есть драконы...»

Лёгкий авианосец «Тахи тианга». Шестьдесят первый год высадки. День двести пятый

Разведчик не дотянул до катамарана каких-нибудь пяти сот метров. Ещё мгновение назад он летел, ковыляя на небольшой высоте, оставляя за собой неровную дымную полосу, затем блеснула — как померещилась! — синяя на синем вспышка, брызнули, закувыркались чёрные обломки, и невидимая сила медленно разорвала ракетоплан надвое.

Взорвался спиртобак — больше там взрываться было нечему.

Запоздалый звук тупо толкнул перепонки. Что-то прошелестело над головами и с лёгким треском ударило в корму. Сехеи не выдержал и отвернулся. «Всё, Хромой...» — бессильно подумал он, и в этот миг тёмные татуированные лица воинов исказились злобной радостью. Яростный вопль в сорок глоток!

Оказывается, не всё ещё было кончено. Из разваливающейся машины выпала чёрная человеческая фигурка. Летит сгруппировавшись — значит жив. А впрочем... Жив! Фигурка раскинула руки, и над ней с неслышным отсюда хлопком раскрылось треугольное «крыло». Источник, кто же это? Анги или Хромой?

— Быстрей! — сквозь зубы приказал Сехеи.

Ити, не оборачиваясь, пронзительно выкрикнула слова команды, и стратег покосился на неё в раздражении.

«Турбину запусти», — чуть было не процедил он, но вовремя сдержался. Конечно, Ити видней. Командир катамарана — она.

«Тахи тианга» («Стальная пальма»), косо раскинув пятнистые паруса, шёл вполветра, глотая одну за другой гладкие — в обрывках скользкой радужной плёнки — волны. Под острым штевнем малого — наветренного — корпуса шипела серая пена.

Часть хвостового оперения, подброшенная взрывом, всё ещё кувыркалась в воздухе. Лишь бы какой-нибудь обломок не зацепил пилота! Ему и так приходилось трудно — явно повреждённое, «крыло» заваливалось вправо, дымило и наконец вспыхнуло. В то же мгновение пилот разжал руки и камнем полетел с десятиметровой высоты в воду. Хромой! Это мог быть только Хромой.

С наветренной стороны в десятке метров от катамарана пологую волну резал высокий кривой плавник. Плохо... Белая акула-людоед. В водах, прилегающих к Сожжённым островам, их видимо-невидимо. Кажется, только они и могут здесь обитать — остальная рыба плывёт брюхом кверху. Вон ещё один плавник, и довольно близко к Хромому.

Ити скомандовала, опять-таки не оборачиваясь. Она вообще никогда не оборачивалась, командуя. «У Ити-Тараи третий глаз меж лопаток — спиной видит...»

Высокая светлокожая девчушка-снайпер неспешной грациозной перевалочкой перешла на палубу малого корпуса, на ходу подготовив оружие к стрельбе. Опустив расструб ракетомёта на плечо, привычно оглянулась, нет ли кого сзади.

Хромой, как всегда, вёл себя очень спокойно. Левой рукой он держался за обломок посадочного поплавка, в правой у него был нож. За борт полетел узловатый канат, и Хромого одним рывком выхватили из подёрнутой плёнкой воды. В последний момент он поджал ноги, и тут же из-под днища малого корпуса вывернулась брюхом вверх белая акула. Высокая светлокожая девчушка без выстрела проводила чудовище движением ствола.

Опытная, видать, девчушка. Чуть пониже ключицы — шрам, татуировка на груди перекрыта шнурком с шестью человеческими клыками. Хотя имеется на то давнее и категорическое распоряжение Старого: никаких ожерелий, никаких зубов на верёвочках.

Шевельнув четырьмя огромными плавниками, «Тахи тианга» слегка изменил положение, снова зачерпнули ветер пятнистые паруса, и боевая машина двинулась, не разворачиваясь, в обратный путь — за перевалившим зенит солнцем.

Хромой, сгорбившись, сидел на покрытой циновками палубе, и над его обожжённым плечом уже колдовала Ити — покрывала жирной желтоватой мазью. При этом губы её шевелились — будто и впрямь колдовала.

— Докладывай, — сказал Сехеи.

Братья были совершенно не похожи друг на друга. Сехеи — повыше, поуже в плечах, а кожа такая светлая, что среди молодых воинов который год упорно держался слух: дескать, быть Сехеи со временем одним из Старых. Слух глупый, как и положено слуху: Старые не татуируются — можно, казалось бы, сообразить... Хромой — тот тёмный, широкий в кости, одно плечо ниже другого, но это у него не врождённое, как и хромота, — он искалечился ещё при штурме Тара-Амингу. А вот выражение лица у братьев похожее — безразлично-усталое, что у того, что у другого.

— Вышли на цель со стороны Трёх атоллов, — монотонно заговорил Хромой, не поднимая головы. — Сразу же были обстреляны. После второго попадания Анги доложил, что ранен, и больше не отзывался. Прошли над заливом по солнцу. Третий флот вечерних...

Сехеи слушал глуховатый невыразительный голос брата и понимал уже, что разведка, как и предполагалось, ничего не дала.

Третий флот вечерних по-прежнему заякорен у Гнилых рифов. Сорок семь боевых единиц. Из них одиннадцать — последнего поколения. Ракетопланы — на катапультах, зачехлены. Количество катамаранов охраны... Наибольшая плотность огня...

Завтра утром Сехеи повторит разведку. Он будет повторять её изо дня в день, даже если каждый раз ему придётся терять при этом пилота и гидроплан. Как сегодня.

Ожоги были смазаны, и Хромой тяжело поднялся с палубы.

— Перехватчиков они вдогонку не послали, — закончил он. — Верно, думали, что лететь нам осталось метров сто... Да я и сам так думал.

Хромой улыбнулся. Редкое зрелище — улыбающийся Хромой.

— Передай ему набор, Тараи, — устало сказал стратег.

Ровесников у братьев не было. Или почти не было. Их поколение сгорело девять лет назад в этих самых водах. Тогда это была армада, теперь от неё осталось десять катамаранов... Нет, девять. После вчерашнего инцидента в проливе — уже девять.

Ити одной рукой отвязала от пояса кожаный чехольчик с набором и подала Хромому. Тот отошёл в сторонку и, не обращая внимания на завистливые взгляды подростков из огневого расчета, принялся сосредоточенно вставлять иглы в гнезда маленькой квадратной дощечки.

Море меняло ритм. Всё отчетливее становились короткие злые удары справа. Это били в обшивку большого — подветренного — корпуса волны, отражённые южным побережьем Тара-Амингу. Катамаран забирал всё круче к ветру. Стратега обдало густой сивушной вонью с кормы, ставшей теперь носом. Понятно... Вот почему Ити не рискнула запустить турбину. Обломок ракетоплана на излёте повредил спиртопровод.

— Проверь, — попросил Хромой, протягивая набор.

Сехеи взял дощечку и прочёл рисунок. Всё вроде правильно. Хотя...

— Опять степень риска занизил?

— Ну не завысил же, — невозмутимо отозвался Хромой.

Сехеи переставил четыре иглы и вернул набор.

— Смотри, ожог не зататуируй...

Хромой ухмыльнулся и пошёл, приволакивая ногу. Волны били в подветренный борт с нарастающей силой. Сехеи не глядя мог бы сказать, что справа, в провалах между водяными хребтами, уже маячит, чернея, Тара-Амингу, а прямо по курсу в полуденное небо встаёт бледное, еле уловимое мерцание, отражённое многочисленными лагунами Аату-2 — Детского острова утренних; сзади же, за правым плечом, распласталось плотное неподвижное облако... Там, за линией горизонта, ощетиная фортами и ракетными точками, залёг скалистый Тиуру — форпост вечерних, откуда чудом сегодня вернулся Хромой.

Палуба вокруг стратега опустела. Сехеи стоял, склонив голову, татуированное лицо его было мрачно. «О чём думает стратег — ведомо только Старым. О чём думает Старый — не ведомо никому...»

— Вот это их жгли!.. — услышал он замирающий то ли от ужаса, то ли от восторга детский голос.

Опёршись на станину своего гелиографа, подросток-связист заворожённо смотрел на вырастающий справа самый южный из Сожжённых островов.

Тара-Амингу был страшен.

На хребте его дымилась щетина стволов, оставшихся от сгоревшей когда-то пальмовой рощи. Там, кажется, шла перестрелка. Всё правильно — для Сожжённых перемирия нет. Со стороны пролива стлался чёрный тяжёлый дым. У развалин старого пирса море горело. Не иначе, кто-то кого-то потопил, причём совсем недавно. То ли вечерний утреннего, то ли утренний вечернего...

— Эй!.. — окликнул тихонько связист высокую светлокожую девчужку. — Гляди-ка... Кто там воюет?

— Прежние, — таинственно понизив голос, отозвалась она.

— Я серьёзно! — обиделся подросток.

— Не веришь? Тут, когда десант высаживали, целый флот вечерних сожгли! И наших тоже положили... Вот они теперь и воюют друг с другом...

— И долго они так будут?

— А до самого Пришествия. Пока не прозвучит Настоящее Имя Врага...

Сехеи усмехнулся и перестал слушать. Легенды, легенды... Кто их, интересно, придумывает? Такое впечатление, что они возникают сами собой. Кроме одной, разумеется. Кроме Пророчества Старых о Великом Враге. Уж его-то авторы известны хорошо. Даже слишком... «Прозвучит Настоящее Имя Врага, и не будет отныне ни утренних, ни вечерних...» Неужели Старые так до сих пор и не поняли, что никакого Великого Врага в этом мире нет! Наш Великий Враг — это мы сами...

К мерным злобным толчкам в подветренный борт прибавились частые хлёсткие шлепки — значит показался Ана-Тарау — полоса чёрного пепла на горизонте. Малейшее подрагивание палубы под босыми ногами было понятно стратегу. И не только это. Он почти физически ощущал приближение войны, после которой и впрямь не будет ни утренних, ни вечерних. Количество стычек в нейтральных водах возрастало с каждым днём, и каждая из них грозила обернуться этой последней войной.

Вчера, например, в проливе между Сожжёнными островами сошлись в поединке трёхкорпусный ракетносец утренних и каное береговой охраны вечерних. Исковерканный до неопознаваемости ракетносец сел на рифы против западной оконечности Тара-Амингу, после чего был добит ракетным залпом с острова, причём из ущелья, где вечерних (по данным разведки) быть никак не могло, а утренние (по данным штаба) не высаживались. То есть был добит неизвестно кем. Такое случалось.

Что же касается каное береговой охраны, то оно, потерявшее мачту и с заклиненной турбиной, было подхвачено вырывающимся из пролива течением и, каким-то образом проскочив минное заграждение, оказалось вдруг совсем рядом с Детским островом утренних. Оставалось последнее средство, и на каное к нему прибегли — взорвали кормовую турбину. Бледное спиртовое пламя метнулось расширяющимся кольцом от корабля и погасло. Правый корпус остался на плаву.

Но когда уже казалось, что он неминуемо должен войти в запретные для всех воды, из-за чёрного хребта Тара-Амингу на большой скорости вывернулся ракетоплан вечерних. Судя по всему, вёл его пилот высокого класса. Издали, не побоявшись стрелять в сторону Детского острова, он единственной ракетой сжёг остатки каноэ вместе с трупами и, заложив крутой вираж, ушёл с набором высоты к Ледяному Клыкку.

Да-да, архипелаг висит на последнем волокне верёвки, и вчера это волокно чуть было не оборвалось...

Сехеи поднял голову, и взгляд его задержался на Ити. Радостно оскалась, она стояла под скрещением тяжёлых мачт — коренастая, малорослая, изукрашенная татуировкой от лодыжек до огромной пружинистой шапки мелко-курчавых волос. Как и у всех южных хеури, нос у неё будто проломлен. В разрез под нижней губой вправлен акулий зуб.

И показалось вдруг, что стратег сейчас улыбнётся.

Ити. Ити, прозванная Тараи. Она сделала этот надрез и вставила в него акулий зуб десятилетней девчонкой, нарушив тем самым четыре табу своего родного и тогда ещё дикого острова.

Говорят, миссионеры до сих пор с содроганием вспоминают этот акулий зуб. Хеури, которым прежде было как-то всё равно, где пропадают и чем занимаются их дети, выпотрошили Птицу Войны и осадили миссию, возглавляемую не кем-нибудь, а самим Сехеи, временно отстранённым от командования флотом за излишнюю инициативность. Чудом успев переправить Ити на Аату-2, он затем подкупил вождя и поклялся перед всем племенем, что девчонка, украсившая себя подобно воину и преступившая таким образом четыре табу, была за это вчера четырежды убита.

Хеури содрогнулись. Один лишь колдун — огромный, чёрный — дерзнул приблизиться к Сехеи и робко попросил предьявить в доказательство отрезанную голову или хотя бы левую руку Ити. Сехеи посмотрел на колдуна как на слабоумного и язвительно спросил, что может остаться

от человека, если человек был вчера четырежды убит. Колдун опешил и задумался. Не исключено, что он ломает над этим голову до сих пор...

Хорошие были времена!

Глубокая синева за бортом сменилась светлыми зеленоватыми тонами. Чёрные щетинистые громады Ана-Тарау и Тара-Амингу отступили за горизонт, и теперь справа плыл Аату-2, Детский остров утренних.

Сколько бы раз ни оказывался в этих водах Сехеи, он неизменно бывал поражён: в двух милях отсюда догорали заросли, и в безлюдных бухточках кто-то терпеливо подстерегал противника, готовый в любой момент плеснуть по воде красным коптящим языком пламени, и вдруг на краю этого ада — безмятежный зелёный островок, невредимый, запретный...

Над близкой цепочкой атоллов парил дельтаплан — непривычно белый. Беззащитно белый. Какой-нибудь мальчишка с острова совершал свой первый дальний (аж до самых атоллов!) полёт.

Боевые машины — в серо-зелёных пятнах, у них светло-голубое брюхо, они сливаются с небом, с морем, с зеленью. Поднять в воздух белый летательный аппарат — самоубийство. Везде, но только не здесь. Со дня основания Детских островов над ними не прогремело ни выстрела, ни разу в их воды не входили военные корабли — ни свои, ни чужие.

На подростков из огневого расчёта было забавно смотреть — такие они вдруг стали все неприступно гордые: снисходительно посматривали на дельтаплан, на зеленющую цепочку атоллов, на далёкую полосу пляжа, где наверняка кто-нибудь из старших ребят, собрав вокруг себя нетатуированных малышей, важно говорил, указывая на горизонт:

— А ну-ка определи!

И карапуз, подавшись к еле различимому за атоллами призраку судна, рапортовал потешным голоском:

— Поколение Ската! Лёгкий авианосец! Идёт из нейтральных вод! Оснащён: четыре девятиствольные уста-

новки! Три ракетоплана! Две кормовые турбины экстренного хода!..

— Две?! — И мальчуган постарше тоже впивался глазами в горизонт. — Точно, две... Тогда это «Тахи тианга». — Важность его пропадала бесследно, и он добавлял, чуть не плача: — Я же их помню всех из этой группы! У них ещё воспитателем была Ити-Тараи!.. К Сожжённым ходили, воюют уже... А мне ещё тут с вами... чуть не до Пришествия!..

Ах, как было бы славно пройти мимо Аату с обугленными мачтами, сбивая пламя с кормовых турбин, отстреливаясь из всех тридцати шести стволов отседающих машин вечерних!.. Вот ведь как бывает: шли в нейтральных водах по самым опасным местам — и хоть бы один выстрел!.. Правда, Анги сгорел в гидроплане, но то Анги, а на самом-то судне — ни царапины, турбину — и ту пробили своим же осколком! Добавишь к татуировке уныло-правильный завиток — вот и все заслуги.

Один из подростков, видимо, для поднятия боевого духа мурлыкал вполголоса «Стрелковый ракетомёт»:

...вставь обойму,
услышь щелчок,
отведи затвор,
спусти курок —
убей вечернего!..

— А вечерние поют: «Убей утреннего», — явно желая подразнить, обронил кто-то из абордажной команды.

Песенка оборвалась. Подросток уставился на говорящего, потом — испуганно — на Ити-Тараи.

— Прямая передача с базы! — звонко доложил связист.

— Прими, — буркнул Сехеи и, в последний раз взглянув на дельтаплан, перешёл на палубу малого корпуса. Что-то не нравилось ему небо на севере. Похоже, приближался шторм...

Напряжённо всматриваясь в слабые вспышки далёкого гелиографа, связист вывязывал узлы. Сехеи, прищурился, стал рядом.

База передавала обычным кодом. Что-то там случилось... Источник! Этого ещё не хватало...

— Дай-ка, — хмурясь, сказал Сехеи и взял из рук связиста шнур. Так... Узлы лаконично сообщали, что за время отсутствия стратега его Правая рука отстранил от командования его Левую руку. О чём и докладывал — сухо, не вдаваясь в подробности и не называя причин.

Сехеи медленно скомкал и сжал шнур в кулаке.

— Передай! Приказываю: до моего возвращения...

Договорить ему не дали.

— Цель! — раздался отчаянно-весёлый крик со скрепления л-образной мачты.

Сехеи вскинул голову. Воины в считанные секунды разобрались по номерам. Циновки с палубы были сорваны, и она предстала в боевой наготе — вся в лишаях от концентрированного соляного раствора. Грозно развернулись ракетные установки.

— Четверть вправо от курса! — продолжал выкрикивать наблюдатель. — Идёт на нас без отклонений!..

Когда Сехеи добрался до огневой площадки, там уже стоял Хромой. На боку его чуть пониже рёбер и совсем рядом с ожогом красовалась свежая, ещё кровоточащая татуировка — знак отличия за сегодняшнюю разведку.

— Где? — быстро спросил Сехеи. Хромой молча показал.

Одиночный гидроплан. Догоняет со стороны Тиуру. Непонятно... Почему он один?

— Второй — к старту! — До чего всё-таки пронзительный голос у Ити-Тараи! Звон в ушах после её команд!

За спиной страшно взвыли сдавленными голосами. Правая «стрела» очертила широкий полукруг и вынесла машину за борт. Поплавки гидроплана коснулись воды, и замок разжался. Затем — гулкий всплеск, и волны вокруг аппарата волшебным образом сгладились, заблестали маслянисто...

— Третий — к старту!

Теперь полукруг очертила левая «стрела». Сзади раздался протяжный грохот. Это стартовала «двойка». Гидроплан оторвался от воды и, волоча за собой толстый чёр-

ный хвост дыма, круто полез ввысь. Затем дымная полоса оборвалась, отгоревший пороховой ускоритель отделился от машины и, кувыркаясь, полетел вниз. Грохот сменился ровным свистом. Относимое течением маслянистое пятно занялось и горело теперь красным коптящим пламенем.

Следом стартовала «тройка», и оба перехватчика ушли навстречу цели.

— Ну, посмотрим-посмотрим, как он будет выкручиваться, — оживившись, заметил Хромой.

— Не нравится мне, что он один, — сказал Сехеи. — Может, ответная разведка?

Хромой всмотрелся и неопределённо повёл тёмным, лоснящимся от мази плечом.

Цель вела себя странно. Она позволила нападающим занять выгодное для атаки положение и продолжала полёт, не меняя ни скорости, ни высоты. Перехватчики зависли над ней без выстрела.

То ли глаза устали, то ли в самом деле позади чужой машины просматривалось какое-то едва уловимое мельканье... Вот оно что! За ракетопланом полоскался длинный белый вымпел. Парламентёр. Лицо у Сехеи мгновенно стало сонным. Слово «парламентёр» вышло из употребления девять лет назад. Точнее сказать, сам Сехеи вывел его из употребления. И вот теперь, точно забыв, который нынче год, вечерние снова цепляют белое полотно к гидроплану... Кажется, игра становится интересной. Ладно, начнём переворачивать ракушки — посмотрим, под какой из них спрятан скатанный из водорослей шарик...

— Акуля пасть! — изумлённо выдохнул Хромой. — Да ведь это «рутианги»!

Сехеи мог услышаться. Хромой мог оговориться. Наконец, его просто могло подвести зрение... Да нет же, нет! Хромой никогда не ошибается! Перехватчики вели к катамарану именно «рутианги» — засекреченную «стальную чайку» вечерних.

Девять лет назад из добровольцев в парламентёры принято было выбирать наиболее мужественных и наименее талантливых пилотов. И посылать их было принято на тихоходных устаревших гидропланах... Но отдать противнику машину последнего поколения! Да ещё и накануне войны!..

— Доложи-ка ещё раз, — попросил Сехеи. — Всё. И как можно подробнее.

Он понимал, что смертельно обижает Хромого — доклады разведчиков такого класса не нуждаются ни в дополнениях, ни в поправках. Хромой лишь коротко взглянул на брата и тут же отвернулся, снова прищурясь на приближающуюся тройку ракетопланов.

— Вышли на цель со стороны Трёх атоллов, — завёл он ещё монотоннее, чем раньше. Сехеи жадно вслушивался в каждое слово.

Так... так... Сразу же были обстреляны... Не то! Второе попадание, Анги... Третий флот вечерних... Гнилые рифы... Количество единиц... Источник, всё не то!..

Нет, это безнадежно. Хромой — лучший разведчик флота. Если бы в обороне противника была брешь, он бы заметил... И всё же Хромой пропустил что-то очень важное. Настолько важное, что вечерним пришлось послать вдогонку «стальную чайку».

Впрочем, есть ещё одна версия, но она слишком хороша, чтобы принимать её всерьёз. Версия следующая: никакой это не парламентёр — просто личной разведке Старого удалось наконец угнать из-под носа вечерних засекреченный истребитель, прицепив к нему для отвода глаз белый лоскут.

Вестнику указали направление посадки, «рутианги» пошёл на снижение. Красивая машина. Красивая и странная. По центру тонкой, как лезвие, несущей плоскости хищно выдаётся вперёд горбатый клюв кабины. Два коротких фюзеляжа с высокими килями соединены поверху ещё одной плоскостью. Поплавков нет вообще. Как же он будет садиться?

Лукин Е.

Л 84 Разбойничья злая луна : роман, повести / Евгений Лукин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 640 с. — (Азбука-фантастика).

ISBN 978-5-389-26340-6

Поэт в России больше, чем поэт. Эту летучую фразу авторства Евгения Евтушенко повторяет всякий кому не лень, когда заходит разговор о поэзии. О фантастах так почему-то не говорят. Это несправедливо. Фантаст в России больше, чем фантаст. Бывает даже, что он больше самой фантастики. Не всякий, конечно. Круг таких писателей невелик. Иван Ефремов, братья Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычёв, Борис Штерн, Михаил Успенский... К этому редкому меньшинству по праву относится и Евгений Лукин.

Фантастика для него — прибор, наподобие лесковского мелко-скопа: глянешь в его глазок — и увидишь, что возле блохи на подносе ещё и ключик лежит. Читать писателя Лукина — радость и удовольствие. Радость от качества его прозы, удовольствие — от шутовской атмосферы, в которой обитают его герои. Читаешь его и видишь, как вдруг тебе со страницы то лукаво подмигнёт Гоголь, то покрутит пальцем у виска Салтыков-Щедрин, то вильнёт где-нибудь между главок хвост кота Бегемота.

Если начать считать все премии и награды, которые получал Лукин за время своей писательской деятельности, собьёшься уже где-то на пятом или шестом десятке. Их у него за сотню. «Аэлита», «Странник», «Бронзовая улитка», «АБС-премия», Интерпресскон, Роскон, имени Ивана Ефремова, Беляевская премия, «Золотой Остап» и множество разнообразных других. Даже «Литературной газетой» однажды он был объявлен лауреатом премии «Золотой телёнок» за свои иронические стихи. А в 2015 году Лукина удостоили почётного звания Грандмастера европейской фантастики.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ ЛУКИН
РАЗБОЙНИЧЬЯ ЗЛАЯ ЛУНА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректоры Ирина Киселева, Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 31.07.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 28,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в типографии ООО «Экопейпер».
420044, Россия, г. Казань, пр. Ямашева, д. 36Б.



Y-AKF-35324-01-R